

Тем временем за нею стал упорно волочиться Кулон: он тоже домогался ее. Я полагаю, что он сговорился с матерью Нинон в Мениль-Корнюэле. Благодаря г-же Кулон все это раскрылось; тогда все порядочные или так называемые порядочные женщины отвернулись от Нинон и перестали с ней встречаться. Кулон сбросил маску и стал открыто содержать ее; он давал ей пятьсот ливров в месяц, которые, говорят, продолжал ей выплачивать восемь или десять лет подряд, до 1650 года, хотя за это время меж ними и случались ссоры. Некоторое время спустя к Кулону присоединился Обижу и стал вносить свою долю.

Первый, в кого она влюбилась, был покойный г-н де Шатийон, убитый под Шарантоном; в ту пору он был просто Давдело. Она написала ему и назначила свидание. Шатийон пришел, но он был непостоянен и вскоре бросил ее. Нинон же, которая, как это видно будет из дальнейшего, была скорее склонна бросать сама, нежели быть брошенной, не могла стерпеть подобного обращения и пожаловалась Мамуссе; он примирил их, вернув ей сбежавшего. Рассказывали, — но я в этом сомневаюсь, — будто из мести она нарочно заразилась, чтобы наградить и его, да столь основательно, что он долго не мог поправиться: у него была жидкая кровь и он легко заболел. Это, быть может, спасло ему жизнь, ибо, не заболел он, ему, служившему под началом маршала де Граммон, пришлось бы участвовать в сражении при Онкуре<sup>2</sup> и, должно быть, остаться на поле брани. Позднее у Нинон было парядное число возлюбленных; тем не менее Кулон по-прежнему оказывал ей денежную поддержку.

Севиныи, Рамбуи были ее любовниками по три месяца. У нее был сын от Мере и еще один от Миосанса.

Однажды во время прогулки на Кур-ла-Рен она увидела, как маршал де Граммон пригласил какого-то статного мужчину, проезжавшего мимо верхом, пересесть к себе в карету. Это был Навай, в ту пору еще не женатый; он ей понравился. Она велит передать, что будет очень рада побеседовать с ним после прогулки; короче говоря, она увозит его к себе. Они ужинают; после ужина она отводит его в весьма опрятную спальню, предлагает ему лечь и ждать — к чему, мол, скоро придет подружка. Он же, должно быть устав, засыпает. Увидев его спящим, Нинон отправляется спать в другую комнату, унося с собой платье этого соня. Наутро, спозаранку, она надевает это платье, надевает шляпу и входит в спальню, отчаянно ругаясь. Навай просыпается и видит перед собою человека, который готов все сокрушить. «О сударь, — говорит он, — я человек чести и готов дать вам удовлетворение; ради бога, поговорим начистоту!». Тут Нинон расхохоталась. Но при всем том, говорят, он доставил ей весьма умеренное удовольствие. Он сильно волосат; она ему сказала: «Вы, должно быть, очень сильный, уж больно вы воздержанны».

Шарлоалю, который умолял ее о том, о чем вы догадываетесь, она сказала: «Жди моего каприза». Он был ее первой жертвой; ни разу он от нее так ничего и не добился, так же как и Браннэ. Но больше всего